

Синельникова Л.Н.
Луганск, Украина

О СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА
«ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81'27
ББК Ш 100.3

Аннотация. Когнитивные признаки политической толерантности: готовность к принятию иных взглядов и унакомыслия, цивилизованный компромисс, стремление согласовывать позиции на основе справедливости, закона и прав человека, отказ от единых стандартов, стремление к поиску нескольких вариантов решений, умение решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно, соблюдение чувства меры, уравновешенность, учет ограничений этического характера; ориентация на позитивный сценарий, противодействие ксенофобии, разделения на выигравших и проигравших, победителей и побеждённых.

Ключевые слова: Политическая толерантность, политическая интолерантность, политическая корректность, политический дискурс, когнитивные признаки концепта.

Сведения об авторе: Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского национального университета (Украина).

Место работы: Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко.

Контактная информация: 91011, Украина, г. Луганск, ул. Матросова, д. 2-а, кв. 10.

E-mail: larnics@luguniv.edu.ua.

Sinel'nikova L.N.
Luhansk, Ukraine

CONTENT OF THE CONCEPT
“TOLERANCE”
IN POLITICAL DISCOURSE

ГЧНТИ 16.21.27
Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes the main features of the political tolerance, namely readiness to accept different view and nonconformism, civilized compromise, willingness to agree positions on the basis of justice, law and human right; refusal from unified standards; attempts to find several solutions; ability to get rid of contradictions openly, efficiently and positively; moderation, composure, taking into account ethnic based restriction; positive thinking; opposing to xenophobia; division in winners and losers; conquerors and conquered.

Key words: Political tolerance, political intolerance, political correctness, political discourse, cognitive features of a concept.

About the author: Sinel'nikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian Linguistic Studies and Communicative Technologies of Luhansk National University (Ukraine).

Place of employment: Luhansk Taras Shevchenko National University.

Философы, социологи, политологи, конфликтологи, лингвокультурологи признают, что толерантность – сложная и противоречивая категория, по-разному осознаваемая и толкуемая в разных культурах, в разные исторические периоды и разными слоями общества. Толерантность – одно из ключевых понятий, на которое стремится опереться общество, осваивающее демократические принципы во взаимодействии с властью, с носителями иных взглядов, традиций и культурных ценностей. Между тем, есть серьёзные проблемы как в освоении самого понятия толерантности, так и в организации коммуникативного пространства в соответствии с установкой на толерантное отношение к другому. В политических коммуникациях категория толерантности обнаруживает парадоксальные свойства. Слово толерантность живёт по оруэлловской схеме, только наоборот: номинация декларируется, но общественное сознание её не атрибутировало, и поступки – как речевые, так и неречевые – далеко не всегда соответствуют принципам толерантности. Асинхронность такого рода, поддерживая двойные стандарты в социально-политических отношениях, создаёт неадекватную картину политической жизни.

Значительное количество понятий, выражающих демократические ценности, остаются

не освоенными как политиками, так и гражданами. К числу таких понятий относится и толерантность. Социологи утверждают, что немногим больше 35% граждан знают, что такое толерантность. Но и среди знающих фиксируется разброс мнений, даются неверные и некорректные определения, например, такие: чёткое следование своим убеждениям; принципиальная позиция по основным жизненным ценностям; борьба за свои чувства; неприятие подлости со стороны окружающих людей; способность жертвовать своими интересами ради интересов общества; негативное отношение к правилам поведения иных социальных групп; возможность делать то, что считаете нужным для себя [Филатов 2004: 132-133]. Всё это свидетельствует о несформированности толерантного сознания. Между тем, без восприятия толерантности как этической нормы невозможно установление цивилизованных отношений в поликультурном обществе, а тем более интеграция в глобализирующийся по ряду этических стандартов мир.

16 ноября – Международный день толерантности. В Декларации о толерантности говорится: «Мир должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества, на приоритете достоинства и ценности человеческой личности». Дискурс толе-

рантности, таким образом, предполагает принятый мировым сообществом стандарт, утверждающий право всех людей быть разными, но равными.

Формирование толерантного сознания как принципа существования в поликультурном обществе должно входить в стратегию социализации через воспитание самоуважения и уважения к другому [Погодина: www]. «Навязывание» толерантности вряд ли может привести к успеху. Существование человека многовекторно, и трудно не согласиться с тем, что каждый вправе строить свои отношения с другими людьми и с обществом в целом.

Политическая толерантность в политических словарях и энциклопедиях декларируется как непереносимое условие взаимодействия всех участников общественной жизни, если они осознают необходимость упорядоченных цивилизованных отношений. Упорядоченные цивилизованные отношения требуют соблюдения общечеловеческих законов бытия, нацеленности на позитив, с тем чтобы, продвигая свои интересы, не причинять вред другим. В то же время очевидно, что характерное для постсоветского времени обострение борьбы за власть, появление новой политической элиты существенно изменило политический язык в целом и представление об отдельных понятиях, на которые ему рекомендуется опираться. «В политику включились люди, не владеющие её научным аппаратом, не имеющие элементарной теоретической подготовки, не владеющие наукой и искусством толерантности» [Сауляк 2000: 140].

В когнитивной лингвистике концепт определяется как единица сознания и мышления, представляющая собой квант структурированного знания и проявляющаяся в совокупности языковых средств. Информационное содержание концепта образуется когнитивными признаками, характеризующими сущность концепта и его дифференциальные составные [Антология концептов 2007: 7-16]. Концептуальный анализ ассимилирован политической лингвистикой, но политика, по мнению Бисмарка, не является точной наукой. Информационное содержание концепта толерантность, неустойчивость и вариативность его когнитивных признаков подтверждает такую квалификацию.

По мере дефинитивного освоения понятия идёт усиление когнитивного фактора в общественном сознании. Выход за пределы имманентной лексикографии, подключение к толкованию фактов, влияющих на ментальность, на общественное сознание, вбирающее новые представления ценностного характера, – черта современной «расширенной» лингвистики, опирающейся на когнитологию, социологию, культурологию, политологию. Такого рода совмещённость, взаимопроекция определяют принципы маркировки границ концепта толерантность.

Словарная дефиниция толерантности основывается на признаке *терпимости*, который ассоциируется с религиозным сознанием (терпимость проповедуется, требует милосердного и всепрощающего отношения к другому) и имеет созерцательную и увещивающую направленность. Этот признак менее всего коррелирует с политикой, с характерной для неё во все времена *выгодной* терпимостью и добродетельностью (К. Гельвеций), мистификацией (Э. Золя), искажением истории (В. Ключевский) и т.д. Для политиков терпимость – и излишняя, и недостижимая добродетель, чаще всего оцениваемая как слабость. Уже это обстоятельство даёт основание для осторожного отношения к идентификации толерантности через когнитивный признак «терпимость». Более того, культивирование одного концептуального признака, имеющего в политике различные концептуальные слои, – признак политической демагогии, которая по определению не может способствовать сближению фактов политической жизни с этическими оценками. Самый убедительный аргумент к такого рода сближению был дан ещё Ж.-Ж. Руссо: «Всё, что является нравственным злом, является злом и в политике». Однако этим аргументом политики пользуются с большой неохотой и избирательно.

В современном политическом контексте интерпретационное поле концепта толерантность не выглядит объёмным: его эксплицитная оценочная зона имеет знак коммуникативного позитива. Но коммуникативный позитив в политике скорее виртуальная установка, и вряд ли толерантность является составляющей формулы власти. Политика – это борьба за чужие ресурсы и сферы влияния. Для политических действий характерна дистанция между скрываемым от общественности и явленным ей, между словом и делом, и политики в реальных действиях по большей части «перешагивают» через декларируемые этические установки. Если демократические процессы будут связываться с возрастанием роли гражданского общества и формированием цивилизованной оппозиции (пока ещё никто не знает формата такой оппозиции), эта дистанция естественным образом будет сокращаться, и шансы толерантной политики могут увеличиться.

Толерантность декларирует ценность человеческой личности, и нравственная оценка должна занимать ведущее место в иерархии когнитивных признаков. Толерантность исключает попытки применения насилия: никто не имеет права поработать другого, вторгаться в его ценностный мир. Стремление властвующей элиты подчинять своим установкам мышление и сознание граждан по критериям толерантности выглядит деструктивно и патологично (например, призыв президента Ющенко думать по-украински).

Лингвополитологический подход позволяет применить особый инструментарий для выяв-

ления круга аттрактивных слов-понятий, анализ которых способствует выявлению информационного содержания концепта толерантность. Через этическую составляющую с толерантностью аттрагируют понятия *лояльности, корректности, эмпатии, политкорректности*. Лояльность – благожелательное отношение, держащееся в рамках законности и морали; корректность – вежливость, тактичность; эмпатия – способность отзываться на переживания людей. Названные лексические аттрактанты могут пополнить перечень когнитивных признаков концепта толерантность: благожелательность, вежливость, внимание к другому, соблюдение правовых и моральных норм. Корректность (лат. – исправленный, улучшенный) может быть лишь внешним признаком поведения, иногда очевидно вступающим в противоречие с внутренним чувством, на котором основывается большая часть когнитивных признаков толерантности. И тогда появляется такой журналистский комментарий: «Все расхотелись в состоянии корректной ненависти и даже пожали друг другу руки» (пример из «Московского комсомольца»). Такая корректность к толерантности вряд ли может иметь отношение.

Термин *политкорректность* начал использоваться в конце 80-х годов прошлого века и имел гуманитарную цель – способствовать социально комфортному существованию людей разных национальностей, верований, социального статуса, убеждений в мультикультурном обществе. Этическая составляющая понятия политкорректности достаточно аморфна. Если это искусственное *согласие противоречий*, то политкорректность ассоциируется с дипломатической вежливостью; если политкорректность призвана сохранить мораль, – то можно говорить о её функциональной общности с толерантностью. В дискуссиях о политкорректности высказываются две противоположные точки зрения: политкорректность пришла на смену морали, а мораль может иметь только религиозную основу, то есть вытекать из религиозного сознания, которое возникло вместе с сознанием вообще; политкорректность искусственна, она может провоцировать экстремизм (например, в гендерных или конфессиональных отношениях). О том, как калечат язык в Америке в угоду вульгарно и поверхностно понимаемой политкорректности, пишет Т.Толстая в эссе «Политическая корректность». Отрицание значимости политкорректности основывается на боязни лицемерия, равнодушия по отношению к добру и злу, то есть всего того, что размывает границы терпимости.

Соединение толерантности и политкорректности возможно при условии принятия такой модели отношений: не желай, не говори другому того, чего ты не желаешь себе; не поступай с другим так, как ты не хочешь, чтобы поступили с тобой. Толерантность, таким образом, может иметь отношение к политикам,

стремящимся к позитивному взаимодействию, то есть к тому, чтобы реализация собственных прав и свобод не причиняла вред другим. Однако позитивное взаимодействие политики культивируют с теми сегментами общества, за счёт которых можно расширить круг сторонников. Толерантность в этом случае оказывается способом поиска союзников через выявление и осуждение тех, кто не может или не хочет быть таковым.

В то же время политическая толерантность как терпимость к иным взглядам может свидетельствовать об уверенности в себе и в своих позициях. И тогда толерантность соотносима с активной социальной позицией, проявляемой в диалоге и сотрудничестве как фундаменте конструктивной толерантности, исключающей пассивную терпимость.

К показателям толерантности психологи относят *эмпатию* – адекватное представление о том, что происходит во внутреннем мире другого человека. Но в политике чувства значимы менее всего. Из всех чувств наиболее актуальным является чувство тщеславия. Тщеславный, по определению В.И. Даля, «кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почёту, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы, почёта и внешних знаков почестей». Другие скрываемые политиками чувства – зависть и честолюбие. Тщеславие, зависть и честолюбие не могут не сопротивляться эмпатии.

И ещё об одном чувстве – чувстве эйфории. *Эйфория*, по данным словаря: состояние неестественного приподнятого настроения, довольства, не соответствующее объективным условиям, излишняя говорливость, опасная беззаботность. Политическая эйфория провоцирует экстремизм, нагнетание страстей – всё это не способствует толерантным отношениям в обществе. Власть должна быть тихой, считали наши предки, и тогда она способна делать полезные для людей дела. Эйфория – как индивидуальная, так и общественная – проходит (затянувшаяся эйфория опасна по психологическим параметрам), и в постэйфорический период приходит понимание того, что истина не справа, не слева и даже не посередине, а в глубине сознания. Толерантность как фактор демократического сознания имеет именно такую пространственную очерченность.

Чувство меры, уравновешенность – эмоциональный фон толерантности. В обществе с громкой властью может развиваться чувство *эйфобии* – страха перед хорошими новостями, которые могут быть предвестниками плохих. Чрезмерная информационная интенсивность (а иногда и «информационное киллерство») ведёт к напряжению в обществе и даже к психическому нездоровью, о чём в последнее время всё чаще говорят психиатры. Эйфория толпы повышает степень неприятия другого, рождает

спонтанное, мгновенное возмущение, и человек перестаёт согласовывать своё поведение с нормами толерантных отношений.

Лгущий также вне толерантности, и тогда всё, что связано с политикой, противится меркам толерантности. Особенно в предвыборный и выборный периоды, когда размывание границ между правдой и неправдой, фактами и слухами входит в стратегию и тактику политтехнологов. Ложная детерминация событий, постоянные подмены понятий, инверсивные оценки суждений политических оппонентов и под. проявляются массированно и подрывают доверие к власти. При доминировании подхода: мнение неправильное, если оно не моё, исчезает такой признак толерантности, как право альтернативной позиции. Декларация приоритета нравственных ценностей в «философии власти» не спешит перейти в «формулу власти».

Концептуальный анализ слова с таким объёмом значения и форматом употребления, как толерантность не может осуществиться без обращения к контексту сегодняшней жизни. Постсоветское общество оказалось перед необходимостью освоения нового политического языка. Так, после «оранжевой» революции 2004 года в политический контекст Украины вошло слово *люстрация*. Лингвистическая справка по поводу новоявленной политической терминологии оказывается востребованной обществом, втянутым в политику и пытающимся разобраться в ценностных ориентирах политиков. Словари дают такую информацию о семантике слова люстрация (люстрации), буквально – очищение жертвоприношением: 1. Очищение посредством жертвоприношений; религиозные обряды, связанные с представлением об очистительной силе магических действий. 2. Периодические описи государственных имуществ для учёта доходов. 3. Обработка волосяного покрова овчины органической кислотой для смягчения и повышения пластичности волоса. 4. Законодательные меры и практика недопущения в аппарат управления лиц, неугодных правящим кругам по политическим, религиозным и т.п. мотивам. Последнее значение не включено в толковые словари, но имеется в «Кратком словаре современных понятий и терминов» (М.: Республика, 1993) и сопровождается существенным этическим комментарием: «Люстрации расцениваются значительной частью общественности как антидемократические меры, ущемляющие права человека». Если признать, что толерантность в политическом контексте включает установку на социальное партнёрство, то люстрации следует маркировать как функциональный антоним толерантности. Люстрация как политическое действие основывается на стратегии «проигравший выбывает», но спортивно-состязательная тема не может приниматься без ограничений хотя бы потому, что «выигрыш» и «проигрыш» в современной политике не столько результат так желаемых всеми демократиче-

ских выборов, сколько результат пресловутого пиара.

Толерантность и интолерантность играют существенную речеорганизующую роль. Дискурсивная функция этих категорий проявляется в процессе коммуникации. И хотя этические установки в дискурсе трудно верифицируются, преднамеренно или непреднамеренно передаваемая информация может быть выявлена. В коммуникативном действии сходится социальное и психологическое, происходит перенос приоритета от языковых конвенций к политическим оценкам. Понимание обеспечивается общением – обменом информацией в условиях чередования коммуникативных ролей, то есть в диалоге. Диалоговое взаимодействие – основной фактор толерантной коммуникации. В диалоге человек проявляет себя, свою индивидуальность, стремится понять другого, заявляет установку на сотрудничество или конфронтацию и т.д. Движение диалога в политическом дискурсе – это смена аргументов. Тип аргумента может быть своеобразной единицей измерения толерантности, например, в таком показательном диалоговом жанре, как политические дебаты. Дебаты имеют особый жанрово-коммуникативный код: с одной стороны, они нацелены на противостояние, с другой – на поиск компромисса. Если взаимодействие коммуникантов строится на вербальном материале, вызывающем отрицательные эмоции и соответствующую реакцию, дебаты превращаются в конфликтный дискурс [Белоус 2004: 137]. И только соблюдение принципов коммуникативной толерантности может помешать такому превращению, перевести состязание с позиции «кто скажет хуже друг о друге» на позицию «кто убедительно докажет своё мнение, не пренебрегая мнением другого».

Толерантной должна быть обратная связь публично общающихся людей. Зоной риска в дебатах является блок «вопрос-ответ». Интолерантность в этом коммуникативном сегменте может проявить себя в передёргивании смыслов, в неадекватной личной интерпретации, в потере самоконтроля, в отходе от конкретности в сторону бездоказательной оценки, в акценте на внутрличностном конфликте, вызывающем нездоровый интерес, но отнюдь не способствующем социальному прогрессу. Интолерантность в дебатах – это насилие над слушателями, принуждение принять именно эту точку зрения. Игнорируется полемичность как множественность аргументированных позиций, решений, предложений (впрочем, соблюдается этимологически означенная семантика слова полемика: фр., восходящее к греч. – воинственный, враждебный). Как тут не согласиться с этической дифференциацией понятий «умный человек» и «мудрый человек». «Чем умный отличается от мудрого? Умный знает, как выйти из трудного положения, а мудрый в него не попадает» [Козлов, Козлова 2004: 5].

Коммуникативный аспект толерантности соотносим с риторическими установками: равно важно, *что* сказано и *как* сказано. «Кто может говорить предметно, энергично и убедительно, у того есть ключ к плодотворному человеческому общению, а также к профессиональному успеху» [Леммерман 2002: 40]. В риторической традиции сложилось представление о нравственном, правдивом, добродетельном ораторе. В этом ряду этических требований, который по отношению к политической среде может быть воспринят как виртуально-идеальный, должна находиться и толерантность. Именно в диалоге «находит своё проявление острая современная проблема толерантности. Здесь она выглядит как соблюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что этот другой имеет принципиально отличную точку зрения. Естественно, её необязательно принимать, но надо признать её право на существование, допускать её «непохожесть», возможно, прислушаться к ней. Диапазон оценок в негативной обратной связи поэтому должен быть под строгим нравственным контролем» [Андреева 2004: 91]. При таком подходе можно считать политическую толерантность привилегией умных политиков, не сомневающих в своих способностях в разнообразии мнений и позиций обозначить собственные взгляды и продвигаться к истине через диалог. К сожалению, большинство современных политических дискурсов продолжают оставаться интолерантными. Обнаруживается это в бесконечном нарушении постулатов толерантной коммуникации и проявлении признаков примитивного общения.

Приведём желаемый перечень когнитивных признаков политической толерантности: готовность к принятию иных взглядов; цивилизованный компромисс; готовность власти допускать инакомыслие в обществе; стремление согласовывать позиции на основе справедливости, за-

кона и права человека на собственный выбор; не навязывать единый стандарт, стремиться к поиску нескольких вариантов решений; умение решать противоречия открыто, конструктивно и позитивно; соблюдать чувство меры, быть уравновешенным; находясь в состоянии конкуренции, не забывать об ограничениях этического характера; действовать по позитивному сценарию; не культивировать образ врага; избегать и противодействовать любым проявлениям ксенофобии; не делить общество на выигравших и проигравших, на победителей и побеждённых. Однако современные политические коммуникации вряд ли выдержат верификацию реального применения таких показателей концепта толерантность.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 2004. 365 с.

Антология концептов [Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. – М.: Гнозис, 2007. 512 с.

Белоус Н.А. Лингвистическое поле конфликта // Homo Mendax. Игра с личностью или игра со смыслами. – М.; Тверь, 2004.

Козлов В.В., Козлова А.А. Управление конфликтом. – М.: Изд-во «Эксмо», 2004. 224 с.

Леммерман Х. Уроки риторики и дебатов. – М.: Изд-во Уникум Пресс, 2002. 336 с.

Погодина А.А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. URL: <http://tolerantia.narod.ru/teonia.htm> (дата обращения: 07.11.2009).

Сауляк В.Е. Первая в современной России фундаментальная «Политическая энциклопедия» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2000. № 2. С. 139-141.

Филатов А.С. Полиэтническая среда: гражданское общество, религия и толерантность в Крыму // Полиэтническая среда: культура, политика, образование: Материалы Межд. семинара: Социальные науки. – Луганск; Цюрих; Женева, 2004. 442 с.

© Синельникова Л.Н., 2010